

ЮНОША с таким акварельным лицом — еще работать над ним резцу мужества — порывисто идет под тесными сводами какого-то замка в загадочном колыхании призрачного свечного света по глухим стенам. И он ищет чего-то, кого-то. И себя заодно. А поиск его — не тревожный бег за потерей, а трепетное ожидание находки. Как его песня, несмелая скороговорка первого признания: Буду с тобой танцевать и рассказывать сказки. И солнце в апельсине положу в твои ладони. И ты, только ты будешь моей дамой, И ты, только ты будешь моей госпожой.

Конечно, он ей того не скажет, когда найдет: ведь нынче любят бессловесно. Да ведь одно дело, когда не скажет, хоть и есть что, другое, когда и хотел бы, да нечего... Но пока ее нет:

У тебя будет имя, как у весенней розы.

У тебя будет любовь, как осенняя буря.

Таким он и запомнился с первых появлений на широкой публике: влюбленным в свою песню и в ту, которой она посвящена, совсем не похожий на артиста, почти без жестов и мимики (может, и правда, искусство начинается там, где оно себя преодолевает!). Со своей от начала и до конца песней: музыка, слова и исполнение Марека Грехуты. Он тогда еще учился на архитектурном («годам к тридцати свое отпою и — в архитектуру!»). Хотя родился «под фортепиано». Осваивал орган. Обрел крепкую опору в лице Баха («бездна мысли — кажется, не один человек все это создал»), Равеля, Чайковского, Мусоргского, Вивальди, из современных — своего знаменитого соотечественника Кшиштофа Пендерецкого. Он сразу и рискованно бросил вызов моде. Он — вместе со студенческим ансамблем «Анава», одним из создателей которого он был. С этим ансамблем он не расстаётся до сих пор в грохотном музыкальном мире своего поколения. Они дерзнули выйти к нему, к поколению, почти безоружными (кроме голоса самого Марека, «Анава» складывалась из гитары, скрипки и виолончели), не будучи уверенными, что их вообще услышат. Вокруг бушевал биг-бит, в ту пору не имевший достойных соперников.

«Противник» воистину неуязвимый. Биг-бит, «сильный удар», «музыка сильного удара», «ударная музыка». Специалисты ведут ее родословную с 50-х годов. Со временем она, все более выдвигая на первый план ритм, успешно оснащаясь техникой (один такой ансамбль, который я видел в Варшаве, — американская группа «Кровь, пот и слезы», — выставил на поле брани... десять тонн музыкального оборудования!), конечно, по-своему совершенствовалась, все более будоража молодую аудиторию.

В Польшу биг-бит нагрянул 13 лет назад первым концертом первой доморощенной группы «Ритм энд блюз» в Гданьске. И сразу взял в пелен юного слушателя, в общем-то, уже отшедшего пища роковой в эфире и с пластинок. За короткое время были распроданы сотни тысяч (!) электрогитар, и все они были пущены в ход. Достаточно было собраться вокруг этого неприхотливого инструмента, освоить несколько ведущих аккордов, разучить, а то и состряпать пару незамысловатых куплетов в духе общедоступного манифеста «Он плюс она равно любовь» и, дождавшись, пока отрастут волосы, «выходить» — и не только «для души», но и за «сумму прописью». К 71-му году в стране насчитывалось более 60 тысяч только организованных при различных музыкальных очагах любителей легкой музыки. Студии грамзаписи, радио, телевидение, молодежная печать молниеносно наводнилися передачами, записями, конкурсами, нотами и текстами, родословными первых кумиров.

И все-таки не так страшен биг-бит, как его играют. Сам он как новаторский музыкальный стиль принес в мир, в том числе и в Польшу, немало интересных вещей. В данном случае опасность крылась не в перенесении «инородных образцов» на собственную почву, а в том, что и лучшие из них — стараниями иных «эстрадников» — быстро поросли уже доморощенными сорняками, грызотравой. Под маркой биг-бита, по признанию польских специалистов, на «музыкальном рынке» появилось немало кабутры и графомании. Не об этом ли и писал в свое время публицист «Трибуны» Людвиг, говоря о «стандартизации ритма, мелодии, текста, средств гармонизации»? Такая музыка, по его мнению, стала ярким примером культурного ширпотреба, в котором «центр тяжести интересов слушателя переместился с ак-

тивного переживания артистического смысла произведений на их пассивное потребление».

И вот Марека Грехута. С криком «Анава!» — «Вперед!» ребята бросились в канонаду боя. Они, четверо краковских студентов (кроме Марека, Ян Карты Павлуш-кевич, Адам Пастернакевич и Тадеуш Калиновский), вышли из своей студенческой каварни под звуки фирменного танго «Анава» собственного производства. Вскоре — первый успех на фестивале студенческой песни, затем — первый приз на Опольском фестивале польской песни за «Сердце», первая долгоиграющая пластинка и наконец первое заграничное турне к нам, в Советский Союз, — более 100 концертов в 20 городах...

Эти самые «грехутки», а так окрестили первые песенки Марека, уже тем признав в них собственное лицо, довольно быстро проложили себе дорогу в море ударных ритмов. Чем они взяли, эти, казалось бы, неслышные, орнаментированные в духе мопартовских времен, не понынешнему целомудренные признания? Почему их все-таки слышали те, оглушенные достижениями музыкальной техники сверстники?

Вот в знаменитом органе Оливского собора в Гданьске среди тысяч труб есть одна: нажмешь клавишу — человеческий голос из серебра и олова. Его отделишь в любом хитросплетении органичных

куста по воздействию на человека».

И стоял на своем, избирая не легковесный артистический эффект, а интеллектуальное сотрудничество со слушателем, зрителем, требующее всегда взаимных духовных затрат. Иные вещи рождаются будто по наитию, в считанные часы. «Хоровод», сегодняшняя вершина «Анавы» и Марека (его музыка), создавался три месяца, но чтобы стать явлением, и не только в польском музыкальном творчестве. Нелегко дались попытки преподнести сверстникам в музыке философский и до корней народный смысл поэзии Выспянского, Мицкевича, Тувима. И удалось. Дonesли...

— Самая легкая работа, — полагает Марека Грехута, — бессмысленная работа. А если думать, то любая работа тяжелая... А самая большая радость — то, что, кажется, удалось вложить в песню, хоть часть истинных человеческих волнений.

«Хоровод» — это уже не наивно раскрытые на мир глаза юного поэта, но зрелый призыв к человеку. Это даже не песня — музыкально-поэтический монолог, где и слова, а главное, тревожный натиск голоса, музыкального текста, вневещных, кажется, все звуки нашего времени, зовет остановиться в гипнотическом хороводе жизни, осмотреться, задуматься: а так ли уж за пером Жар-птицы погоня, может, она — за призраками?

Марека ГРЕХУТА:

«Прекрасное всегда серьезно»

Звучков... Не сказать, чтобы первоначальные вещи Марека и его друзей были исполнены гражданского пафоса. Это, в общем-то, лирические советы, укутанные в мягкие прозрачные мелодии. Критика оценила их как современный романтизм. И столько в них было юношеской чистоты, доверчиво раскрытых окон, готовности быть непреклонным, оставаясь легкокрылым, смутного ожидания и истинно мужского рыцарства, что все это на фоне разных «дай, дай, дай!» прозвучало как откровение, как та заветная клавиша оливского органа. Он не воскликнул — удивленно спросил: Люди, ведь вы же Люди! И его услышали, он стал нужен, как исповедник, как глоток воды после «мощного удара». Значит, есть она, эта волшебная клавиша в каждом — только разбереди. Значит, это «не глухое», а только оглушенное поколение, и нужно просто немножко тишины, чтобы оно услышало себя.

Это все весьма серьезные вещи — настоящие механизированного искусства с его законченными, как дважды два — четыре, эмоциями да и смыслами тоже. Они округляют в человеке его «я» в народе — его «мы», в человечестве — его «гомо». Округляют до космического примитива. И надо быть достаточно сильной личностью, чтобы не поддаваться напористому психозу, не сбиться с собственных нот на общее «йе-йе».

Как распознать людей, которых мы не знаем.
Как собрать мысли, которые разбегаются.
Как отделить сразу разум свой от сердца.
Как услышать себя в этом хоре толпы?

Это Марека Грехута. В его песнях — постоянный мотив поиска. Идеала, истины, себя в общем хоре. От первых песенок Грехуты многое сменилось и внутри, и снаружи. Вместо свечей — юпитеры самых представительных эстрад. Отпущен и сбрит барду — видно, искал «сценический образ». Менялся состав «Анавы» (на сегодня: все та же гитара, четыре смычковых и ударник). Все время было ощущение, что «пропадают» в тысячных аудиториях. Вот и сейчас, когда мы беседуем, снова, видно, не впервые заспорили Марека с художественным руководителем «Анавы» Соломеем Фляком: Марека тихой завистью зазидует «оснащенности» короля польского биг-бита Чеслава Немена — у него аппаратура — конечно, каждая нота стреляет, а у нас?.. А у нас — свое, у нас есть что сказать и, кому надо, услышат, не надо быть, «как все»... Да, что-то терял, что-то находил. Но обязательно рос, поднимался вместе с песней, наполняя сознанием ответственности за оружие, которое поднимал: «Музыка, думаю, самое «хищное» из всех видов ис-

Как раз за это, за веру в человека, за оптимизм, за то, что старается не дать угнаться в нем под нахрапистым напором всеядного потребления самым тонким его струнам, — за это все благодарят Марека и его друзей письма, каковых приходят сотни.

Да, заставить в содому и гоморре эстрадной электрификации прислушаться к голосам «старомодных» скрипки или виолончели, отвязаться сказать распаленной подмигивающими ритмами публике, что ей вовсе не весело, а только громко, — надо было иметь определенное мужество. И оно нашлось не только у «Анавы», с Мареком Грехуткой. Были и многие другие — тоже по-своему «модернисты», что ищут созвучных современнику средств выражения его духовного лица. Ищут, не подчиняясь общему ритму, но подчиняя его своему стремлению воздействовать на душу. Прекрасное ведь всегда серьезно — от этого никуда не денешься!

«Скальдове» со своим, в общем-то, тоже биг-битом, но заквашенным на народных гуралях напевах. Киселевский и Томашевский, всемирной теперь славы фортепианный дуэт (волшебные длиннопалые руки двух парней). Лкбимича молодых и старых Марыля Родович со своими гитаристами, реставрировавшая для сегодняшнего слушателя романтическую балладу. Эва Дамарчик с ее неподкупной строгостью, гражданским накалом. Злислава Соснишка, восходящая звезда, не отдавшая своего голосища на потребу эстрадных поделкам.

Музыка «мощного удара» приобщила к игре на музыкальных инструментах легионы любителей, но еще больше пробудила слушателей. Но, может быть, как раз благодаря этой своей всеохватности она оставила осязаемую накипь низкопробности, заметно перекосив среднестатистический вкус потребителя «молодежной культуры» в сторону безликого, хоть и громогласного экспериментаторства и сотрясения воздухом. Провал? Летальный удар по национальной культуре? Нет, конечно. Не так все драматично. Все это не могло, конечно, изменить главного русла течения польской музыки, и прежде всего — серьезной. Здесь с полным правом можно говорить о современной польской школе. Да и в «легком» варианте бездумному приятию моды противостоял вундерлих оркестр сил, искавших и находивших свою собственную дорогу в современной музыке.

В. ГАНЮШКИН.
(Наш соб. корр.).

Варшава.